

17
рассказов

О. Генри

17 рассказов

Перевод с английского

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
Эксмо
2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7С0е)
Г34

Генри О.

Г34 17 рассказов / О. Генри. — Москва : Издательский Дом Мещерякова : Эксмо, 2014. — 224 с. — (17 рассказов).

ISBN 978-5-91045-699-4 (Издательский Дом Мещерякова)
ISBN 978-5-699-71314-1 (Эксмо)

УДК 821.111(73)
ББК 84(7С0е)

- © Лорие М., перевод, наследники, 2014
- © Бернштейн И., перевод, наследники, 2014
- © Дарузес Н., перевод, наследники, 2014
- © Чуковский К., перевод, Чуковская Е.Ц., 2014
- © Озерская Т., перевод, наследники, 2014
- © Дехтерева Н., перевод, наследник, 2014
- © Оформление. ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2014
- © Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

..... **Линии судьбы**

Мы с Тобином как-то надумали прокатиться на Кони-Айленд. Промеж нас завелось четыре доллара, ну а Тобину требовалось развлечься. Кэти Махорнер, его милая из Слайго¹, как сквозь землю провалилась с того самого дня три месяца тому назад, когда укатила в Америку с двумя сотнями долларов собственных сбережений и еще с сотней, вырученной за продажу наследственных владений Тоби́на — отличного домишки в Бох Шоннаух и поро́сенка. И после того письма, в котором она написала Тобину, что едет к нему, от Кэти Махорнер не было ни слуху ни духу. Тобин и объявления в газеты давал, да без толку, не сыскали девчонку.

Ну и вот мы, я да Тобин, двинули на Кони — может, подумали мы, горки, колесо да еще запах жареных зерен кукурузы малость встряхнут его. Но Тобин — парень таковский, расшевелить его

---

¹ Графство на северо-востоке Ирландии.

нелегко: тоска въелась в его шкуру крепко. Он заскрежетал зубами, как только услышал писк воздушных шариков. Картину в иллюзионе ругательски изругал. И хоть пропустить стаканчик он ни разу не отказался, только предложи, — на Панча и Джуди он и не взглянул. А когда пошли эти, что норовят заснять вашу физию на брошке или медальоне, он полез было съездить им как следует.

Ну, я, значит, отвожу его подальше, веду по дощатой дорожке туда, где аттракционы малость потише. Около палатки, чуть побольше пятицентовика, Тобин делает стойку, и глаза у него смотрят вроде бы почти по-человечески.

— Здесь, — говорит он, — здесь я буду развлекаться. Пусть гадалка-чародейка из страны Нила исследует мою ладонь, пусть скажет мне, сбудется ли то, чему должно сбыться.

Тобин — парень из тех, кто верит в приметы и неземные явления в земной жизни. Он был напичкан всякими предосудительными убеждениями и суевериями, принимал на веру и черных кошек, и счастливые числа, и газетные предсказания погоды.

Ну, входим мы в этот волшебный курятник, все там устроено как полагается, по-таинственному: и красные занавески, и картинки — руки, на которых линии пересекаются, словно рельсы на узловой станции. Вывеска над входом показывает, что здесь орудует мадам Зозо, египетская хиромантка. Внутри палатки сидела толстуха в красном джемпере, расшитом какими-то заколючками и зверюшками. Тобин выдает ей десять

центов и сует свою руку, которая приходится прямой родней копыту ломовой коняги.

Чародейка берет руку Тобина и смотрит, в чем дело — подкова, что ли, отлетела или камень в стрелке завелся.

- Слушай, — говорит эта мадам Зозо, — твоя нога...
- Это не нога, — прерывает ее Тобин. — Может, она и не бог весть какой красы, но это не нога, это моя рука.
- Твоя нога, — продолжает мадам, — не всегда ступала по гладким дорожкам — так показывают линии судьбы на твоей ладони. И впереди тебя ждет еще много неудач. Холм Венеры — или это просто старая мозоль? — указывает, что твое сердце знало любовь. У тебя были большие неприятности из-за твоей милой.
- Это она намекает насчет Кэти Махорнер, — громко шепчет Тобин в мою сторону.
- Я вижу дальше, — говорит гадалка, — что у тебя много забот и неприятностей от той, которую ты не можешь забыть. Линии судьбы говорят, что в ее имени есть буква «К» и буква «М».
- Ого! — говорит мне Тобин. — Слышал?
- Берегись, — продолжает гадалка, — черного и блондинки, они втянут тебя в неприятности. Тебя скоро ожидает путешествие по воде и финансовые потери. И еще вижу линию, которая сулит тебе удачу. В твою жизнь войдет один человек, он принесет тебе счастье. Ты узнаешь его по носу: у него нос крючком.
- А его имя на ладони не написано? — спрашивает Тобин. — Неплохо бы знать, как величать этого

крючконосого, когда он явится выдавать мне мое счастье.

— Его имя, — говорит гадалка этак задумчиво, — не написано на линиях судьбы, но видно, что оно длинное и в нем есть буква «О». Все, больше сказать нечего. До свиданья. Не загораживайте вход.

— Ну и ну, — говорит Тобин, когда мы шагаем к причалу. — Просто чудеса, как она все это точно знает.

Когда мы протискивались к выходу, какой-то негритос задел Тобина по уху своей сигарой. Вышла неприятность. Тобин начал молотить парня по шее, женщины подняли визг; ну, я не растерялся, успел оттащить своего дружка подальше, пока полиция не подоспела. Тобин всегда в препаршивом настроении, когда развлекается.

А когда уже обратно ехали, буфетчик на пароходике стал зазывать: «Кому услужить? Кто пива желает?» — и Тобин признался, что да, он желает, желает сдуть пену с кружки их поганого пойла. И полез в карман, но обнаружил, что в толкотне кто-то выгреб у него все оставшиеся монеты. Буфетчик, за недостатком вещественных доказательств, отцепился от Тобина, и мы остались ни с чем, сидели и слушали, как итальяшки на палубе пиликают на скрипке. Получилось, что Тобин возвращался с Кони еще мрачнее и горести засели в нем еще крепче, чем до прогулки.

На скамейке у поручней сидела молодая женщина, разодетая так, чтобы кататься в красных автомобилях. И волосы у нее были цвета необкуренной пенковой трубки. Тобин, когда проходил мимо, ненароком зацепил ее малость по ноге, а после

выпивки он с дамами всегда вежливый. Он и решил этак с форсом снять шляпу, когда извинялся, да сбил ее с головы, и ветер унес ее за борт.

Тобин вернулся, опять сел на свое место, и я начал присматривать за ним: у парня что-то зачастили неприятности. Когда неудачи вот так наваливались на Тобина, без передыху, он был способен стукнуть первого попавшегося франта или взять на себя командование судном.

И вдруг Тобин хватает меня за руку, сам не свой.

— Слушай, Джон, — говорит он. — Ты знаешь, что мы с тобой делаем? Мы путешествуем по воде!

— Тихо, тихо, — говорю я ему. — Возьми себя в руки. Через десять минут причалим.

— Ты взгляни на ту дамочку, на блондинку, — говорит он. — На ту, что на скамейке, — видишь? А про негритоса ты забыл? А финансовые потери — монеты, которые у меня сперли, один доллар и шестьдесят пять центов? А?

Я подумал, что он просто-напросто подсчитывает свалившиеся на него беды, — так иной раз делают, чтобы оправдать свое буйное поведение, и я попытался втолковать ему, что все это, мол, пустяки.

— Послушай, — говорит Тобин, — ты ж ни черта не смыслишь, что такое чудеса и пророчества, на которые способны избранные. Ну вспомни, что сегодня гадалка высмотрела у меня на руке? Да она всю правду сказала, все получается по ее, прямо у нас на глазах. Берегись, сказала она, черного и блондинки, они втянут тебя в неприятности. Ты что, забыл про негритоса — хоть я,

правда, тоже врезал ему как надо, — а можешь ты найти мне женщину поблондинистей, чем та, из-за которой моя шляпа свалилась в воду? И где один доллар и шестьдесят пять центов, которые были у меня в жилетном кармане, когда мы выбрали из тира?

Так, как Тобин мне все это выложил, вроде бы точно-точно сходилось с предсказаниями чародейки, хотя, сдается мне, такие мелкие досадные случаи с кем хочешь могут приключиться на Кони, тут и предсказания не требуются.

Тобин встал, обошел всю палубу, идет и во всех пассажиров подряд так и впивается своими красными гляделками. Я спрашиваю, что все это значит. Никогда не знаешь, что у Тобина на уме, пока он не примется выкидывать свои штуки.

— Должен был бы сам смекнуть, — говорит он мне. — Я ищу свое счастье, которое обещали мне линии судьбы на моей ладони. Ищу типа с крючковатым носом, того, который вручит мне мою удачу. Без него нам крышка. Скажи, Джон, видел ты когда-нибудь такое сборище прямоносых горлодеров?

В половине десятого пароход причалил, мы высадились и потопали домой через Двадцать вторую улицу, минуя Бродвей, — Тобин ведь шел без шляпы.

На углу, видим, стоит под газовым фонарем какой-то тип, стоит и пялит глаза на луну поверх надземки. Долговязый такой, одет прилично, в зубах сигара, и я вдруг вижу — нос у него от переносицы до кончика успевает два раза изогнуться, как змея. Тобин тоже это заметил и сразу задышал часто, словно

- лошадь, когда с нее седло снимают. Он двинул прямиком к этому типу, и я пошел вместе с ним.
- Добрый вечер вам, — говорит Тобин крючконосому. Тот вынимает сигару изо рта и так же вежливо отвечает Тобину.
- Скажите-ка, как ваше имя? — продолжает Тобин. — Очень оно длинное или нет? Может, долг велит нам познакомиться с вами.
- Меня зовут, — отвечает тип вежливо, — Фриденхаусман. Максимус Г. Фриденхаусман.
- Длина подходящая, — говорит Тобин. — А как оно у вас пишется, есть в нем где-нибудь посередке буква «о»?
- Нет, — отвечает ему тип.
- А все ж таки, нельзя ли его писать с буквой «о»? — опять спрашивает Тобин с тревогой в голосе.
- Если вам претит иноязычная орфография, — говорит носатый, — можете, пожалуй, вместо «а» сунуть «о» в третий слог моей фамилии.
- Тогда все в порядке, — говорит Тобин. — Перед вами Джон Мэлоун и Дэниел Тобин.
- Весьма польщен, — говорит долговязый и отвечает поклон. — А теперь, поскольку я не в состоянии понять, с какой стати вы на углу улицы подняли вопрос об орфографии, не объясните ли мне, почему вы на свободе?
- По двум приметам, — это Тобин старается ему втолковать, — которые обе у вас имеются, вы, как напророчила гадалка по подошве моей руки, должны выдать мне мое счастье и прикончить все те линии неприятностей, начиная с негра и блондинки, которая сидела на пароходе скрестив ноги,

и потом еще финансовые потери — один доллар и шестьдесят пять центов. И пока все сошлось, точно по расписанию.

Долговязый перестал курить и глянул на меня.

— Можете вы внести какие-либо поправки к этому заявлению? — спрашивает он. — Или вы из тех же? Судя по вашему виду, я подумал, что вы при нем сторожем.

— Да нет, все так и есть, — говорю я. — Все дело в том, что, как одна подкова схожа с другой, так вы точная копия того поставщика удачи, про которого моему другу нагадали по руке. Если же вы не тот, тогда, может, линии на руке у Дэнни как-нибудь нескладно пересеклись, не знаю.

— Значит, вас двое, — говорит крючконосый, поглядывая, нет ли поблизости полисмена. — Было очень-очень приятно с вами познакомиться. Всего хорошего.

И тут он опять сует сигару в рот и движется быстрым аллюром через улицу. Но мы с Тобином не отстаем, Тобин жметя к нему с одного бока, а я с другого.

— Как! — говорит долговязый, остановившись на противоположном тротуаре и сдвинув шляпу на затылок. — Вы идете за мной следом? Я же сказал вам, — говорит он очень громко, — я в восторге от знакомства с вами, но теперь не прочь распрощаться. Я спешу к себе домой.

— Спешите, — говорит Тобин, прижимаясь к его рукаву, — спешите к себе домой. А я сяду у вашего порога, подожду, пока вы утром выйдете из дому. Потому как от вас это зависит, вам полагается

снять все проклятия — и негритоса, и блондинку, и финансовые потери, один доллар шестьдесят пять центов.

— Странный бред, — обращается ко мне крючконосый как к более разумному психу. — Не отвести ли вам его куда полагается?

— Послушайте, — говорю я ему. — Дэниел Тобин в полном здравом рассудке. Может, малость расстроился, выпил-то он достаточно, чтоб расстрожиться, но недостаточно, чтоб успокоиться. Но ничего худого он не делает, всего-навсего действует согласно своим суевериям и предсказаниям, про которые я вам сейчас разъясню.

И тут я излагаю ему факты насчет гадалки и что перст подозрения указывает на него как на посланца судьбы, чтобы вручить Тобину удачу.

— Теперь понятно вам, — заключаю я, — какая моя доля во всей этой истории? Я друг моего друга Тобина, как я это разумею. Оно нетрудно быть другом счастливого, оно выгодно. И другом бедняка быть нетрудно: вас тогда до небес превознесут, еще пропечатают портрет, как вы стоите подле его дома, одной рукой держите за руку сиротку, а в другой у вас совок с углем. Но многое приходится вытерпеть тому, кто дружит с круглым дураком. И вот это-то мне и досталось, — говорю я, — потому как, по моим понятиям, иной судьбы на ладошке не прочтешь, кроме той, какую отпечатала тебе рукоятка кирки. И хоть, может, нос у вас такой крючковатый, какого не сыщешь во всем Нью-Йорке, я что-то не думаю, чтоб всем гадалкам и предсказателям вместе удалось вы-

дойти из вас хоть каплю удачи. Но линии на руке у Дэнни и вправду на вас указывают, и я буду помогать ему вытягивать из вас удачу, пока он не уверится, что ничего из вас не выжмешь.

Тут долговязый начал вдруг смеяться. Привалился к углу дома и знай хохочет. Потом хлопает нас по спине, меня и Тобина, и берет нас обоих под руки.

— Мой, мой промах, — говорит он. — Но смел ли я рассчитывать, что на меня вдруг свалится такое замечательное и чудесное? Я чуть не прозевал, чуть не дал маху. Вот тут рядом есть кафе, — говорит он, — уютно и как раз подходит для того, чтобы поразвлечься чудачествами. Пойдемте туда, разопьем по стаканчику, пока будем обсуждать отсутствие в наличии безусловного.

Так за разговорами он привел нас, меня и Тобина, в заднюю комнату салуна, заказал выпивку и выложил деньги на стол. Он смотрит на меня и на Тобина как на своих родных братьев и угощает нас сигарами.

— Надо вам сказать, — говорит этот посланец судьбы, — что моя профессия называется литературой. Я брожу по ночам, выслеживаю чудачества в людях и истину в небесах. Когда вы подошли ко мне, я наблюдал связь надземной дороги с главным ночным светилом. Быстрое передвижение надземки — это поэзия и искусство. А луна — скучное, безжизненное тело, крутится бессмысленно. Но это мое личное мнение, потому что в литературе все не так, все шиворот-навыворот. Я надеюсь написать книгу, в кото-

рой хочу раскрыть то странное, что я подметил в жизни.

— Вы вставите меня в книгу, — говорит Тобин с отвлечением. — Вставите вы меня в свою книгу?

— Нет, — говорит литературный тип, — обложка не выдержит. Пока еще нет, рано. Пока могу только сам насладиться, ибо еще не подоспело время отменить ограничения печати. Вы будете выглядеть неправдоподобно, фантастично. Я один, наедине с самим собой, должен выпить эту чашу наслаждения. Спасибо вам, ребята, от души вам благодарен.

— От разговора вашего, — говорит Тобин, шумно дыша сквозь усы, и стучает кулаком по столу, — от разговора вашего того и гляди терпение мое лопнет. Мне была обещана удача через ваш крючковатый нос, но от него пользы, я вижу, как от козла молока. Вы с вашей трепотней о книгах словно ветер, который в щель дует. Я бы подумал, что ладонь моей руки наврала, если бы все остальное не вышло по гадалке — и негритос, и блондинка, и...

— Ну-ну, — говорит этот крючконосый верзила. — Неужели физиогномика способна ввести вас в заблуждение? Мой нос сделает все, что только в его возможностях. Давайте еще раз наполним стаканы, чудачества хорошо держать во влажном состоянии, в сухой моральной атмосфере они могут подвергнуться порче.

На мой взгляд, тип этот поступает по-хорошему — за все платит и весело это делает, с охотой, ведь наши-то капиталы, мои и Тобина, улетучились,